

Внимание, родители!

Инклюзия шире, чем образование...

Эксперты ООН объясняют, что такое инклюзивное образование. Его содержание может удивить российских родителей.

Центр проблем аутизма перевел на русский язык и опубликовал в интернете документ, разработанный экспертами комитета ООН по правам инвалидов. Это Основной комментарий к статье 24 конвенции о правах инвалидов, ратифицированной Россией в 2012 году.

Документ был принят 26 августа 2016 года. ***Основной комментарий разъясняет, что такое инклюзивное образование, право на которое гарантирует статья 24, и как обеспечивать его доступность.***

Наша страна согласилась с этими стандартами, подписав конвенцию.

1. Какие из принципов наиболее важны?

Инклюзия шире, чем просто образование. Инклюзия – это тип организации общественной среды. Она может быть обеспечена и в образовании, и на рабочем месте, и в культурном потреблении (в кино, театре, музее), и на дорожном перекрестке. Но инклюзивное образование – важнейший канал для внедрения практик и ценностей социальной инклюзии. Ведь в систему образования человек попадает почти сразу же после рождения и находится там много лет до окончания вуза.

Инклюзивное образование – это «основа, благодаря которой люди с особенностями смогут избежать бедности, полноценно участвовать в жизни своих локальных сообществ и избежать эксплуатации». Это важнейшее условие востребованности людей с инвалидностью на рынке труда, а также их полноценного участия в политической и общественной жизни, говорится в Основном комментарии.

В документе подчеркивается: не путайте инклюзию с интеграцией и сегрегацией. Там четко написано, что инклюзия предполагает не изменение

субъекта с особенностями, а изменение среды. Это приспособление не ученика к школе, а школы к ученику.

Между тем во многих школах понятия подменяются. Например, «ресурсным классом» называют изолированное обучение детей-инвалидов. Это даже не интеграция, это форма сегрегации. А к интеграционным механизмам вынуждены прибегать даже самые передовые директора, чтобы играть по тем правилам, которые заданы школе.

«**Сегрегация** возникает, когда образование учеников с особенностями происходит в изолированных учреждениях <...>

Интеграция – это процесс, в котором людей с особенностями помещают в неадаптированную и уже существующую образовательную среду <...>

Инклюзия же включает процесс системного реформирования такой среды, превращая ее в доступную для всех участников процесса», – говорится в Основном комментарии.

Финансовые аргументы органов образования и ссылки на недостаток ресурсов не работают. Расходы на инклюзию нужно запланировать, говорится в документе, принятом комитетом по правам инвалидов. Средства появятся, если не тратить их на сегрегацию.

Министерства образования должны обеспечить инклюзию всеми необходимыми ресурсами, говорится в Основном комментарии. «Необходимо ввести всеобъемлющую и скоординированную законодательную и политическую основу для инклюзивного образования, а также четкие и адекватные сроки осуществления и санкции за нарушения», – подчеркивается в документе.

Кроме того, в комментарии говорится о том, что учителя должны получать поддержку.

«Инклюзивное образование требует наличия системы поддержки и ресурсов для учителей», – отмечается в документе. В частности, учителя

должны получать необходимые консультации и тренинги, повышающие их компетенцию в вопросах инклюзии.

2. Рекомендации Основного комментария обязательны для исполнения в России?

Конечно. А иначе, зачем было ратифицировать конвенцию? Ведь Россия, таким образом, заявила, что принимает правила игры, установленные для себя цивилизованными странами. Значит, и российское законодательство нужно приводить в соответствие с Конвенцией. Кстати, благодаря ее подписанию у нас есть достаточно прогрессивный закон «Об образовании». По крайней мере, в нем появилось такое понятие, как дети с ограниченными возможностями здоровья. С точки зрения инклюзии, оно отсталое. Но с точки зрения того, что было раньше, – это шаг вперед. Закон обязывает обеспечить детей с ОВЗ качественным образованием.

3. В чем российский закон «Об образовании» расходится с документами ООН?

В законе неоднозначно изложены принципы инклюзии. Его можно интерпретировать так, будто любое образование, которое получают дети с инвалидностью, является инклюзивным.

4. Одно из обязательных условий инклюзии, согласно переведенному документу, развитие универсального дизайна. О чем идет речь?

Универсальный дизайн – это проектирование любой среды так, чтобы она была максимально доступна для всех. Не только для людей с инвалидностью, но и для пожилых людей, для детей – для всех. Например, мы уже привыкли к светофорам со звуковым сигналом. Они удобны для многих, хотя придуманы были для слабовидящих пешеходов. Универсальный дизайн в школе – это не только пространственно-предметное окружение ученика, но и направление в дидактике, в подходах к обучению. Он предполагает возможность предъявления разных заданий, использования разных шрифтов, гаджетов, устройств. Когда одному ученику предлагается одно, а другому – другое, в зависимости от его потребностей. Один ребенок пишет сочинение, а

другой делает презентацию в PowerPoint, одному нужен обычный шрифт, другому – шрифт Брайля, а третьему – букварь с подчеркиваниями.

Универсальный дизайн дает учителю арсенал готовых методик, которые можно использовать для максимально индивидуализированного подхода к ребенку: учитывать его стиль восприятия, учитывать, он «правополушарный», или «левополушарный» и т.п.

Именно благодаря разнообразию методик инклюзивное образование – самое качественное. Ведь и к здоровому ребенку будет подобран индивидуальный подход, если он не может на чем-то сосредоточиться или освоить какой-то материал по общей методике. Родители здоровых детей должны быть невероятно заинтересованы в развитии инклюзии, а не воспринимать ее так, будто в школу пустили кого-то «погреться».

5. Другое условие инклюзии – высокие ожидания по отношению к каждому ученику. Планка этих ожиданий, согласно документу, каким-то образом зависит от уровня развития универсального дизайна. Как связаны между собой эти понятия?

Сегрегационные формы образования заведомо снижают планку перед школьниками. Допустим, приходит на ПМПК (психолого-медико-педагогическая комиссия. – Прим. ред.) ребенок, который плохо видит или плохо слышит. Его отправляют в специальную школу, где есть своя разновидность общеобразовательной программы. Эта программа предполагает упрощение. Причем, это даже не адаптация (хотя используется именно этот термин – «адаптированная программа»), а очень примитивное упрощение.

Например, обычный стандарт предусматривает пять задач, а там дают три. Или по обычному стандарту в этом возрасте нужно решать задачки в три действия, а там – в одно. То есть заведомо считается, что эти дети хуже мыслят, чем остальные, и результаты у них должны быть ниже, чем у остальных. От них не ждут большего. Негативные последствия низких ожиданий хорошо исследованы в разных науках.

Виктор Франкл (австрийский психиатр, психолог, невролог. – Прим. ред.) в своей речи в Стэнфорде в 1972 году сравнил ожидания по отношению к человеку с пилотированием самолета. Инструктор ему объяснил, что при встречном ветре попасть в необходимую точку можно только в том случае, если целиться дальше.

«Если рассматривать человека таким, каков он есть, мы делаем его только хуже. Но если мы его переоцениваем, то способствуем тому, чтобы он был тем, кем он на самом деле может быть», – сказал Франкл.

От человека надо ожидать большего, чтобы у него был мотив стать лучше. Когда от ребенка ждут немногого, он отвечает немногим. И, в общем, это хорошо десятилетиями подтвержденный итог сегрегационного образования. Высокие социально-экономические достижения выпускников коррекционных школ – невероятная редкость и исключение.

В школе очень важна система мотивации. Работая с аутичными детьми, мы понимаем, что без мотивации мы их не научим вообще ничему. Не только задачи решать, но и зубы чистить. Успешный ученик – это мотивированный ученик. Но когда нет системы универсального дизайна, нет в арсенале учителя индивидуальных методов, тогда умные и здоровые дети, которым почему-то не подходит дидактика, заложенная в головы студентов педагогического вуза одна на всех, начинают чувствовать себя неуспешными. Они теряют мотивацию и «выпадают» из образования.

6. В документе говорится об оценке учеников с инвалидностью «на равных условиях», и в то же время – о «гибких и множественных формах оценивания». Нет ли здесь противоречия?

Равенство условий состоит в том, что все имеют право быть аттестованными. Все имеют право на отслеживание своих достижений. Если кто-то в течение 10 лет освоил только алфавит, но он учился, и это его достижение, мы должны дать ему возможность пройти аттестацию и предъявить свои успехи. Кроме того, аттестация – это еще и система контроля над школой. Сейчас, если ребенок с аутизмом получил множество бытовых и

социальных навыков, здороваются с учителем, ходит вместе с другими учениками в столовую и на экскурсии, то это никак не оценивается.

Придет комиссия и скажет: извините, а чем вы занимались в школе? А школа при этом потратила безумное количество сил и средств, привлекла выдающихся педагогов, чтобы научить этому ребенка. Но ее усилия нигде не зафиксированы. Получается, что педагог, который учит детей с аутизмом поведению в социуме, дискриминирован по сравнению с педагогом, который преподает физику. Где же здесь равенство? А гибкость оценок создает равный доступ к мониторингу достижений, к аттестации, в соответствии с тем потенциалом, который школа смогла раскрыть в ребенке за время обучения.

7. Когда читаешь Основной комментарий, создается впечатление, что это утопия. Все дети в классе абсолютно разные, но учителю удается одновременно вложить в их головы индивидуально подобранные знания, в соответствии с их увлечениями и способностями.

В документе определена идеальная планка, на которую все должны ориентироваться. Понятно, что любой закон, даже самый прекрасный, кто-нибудь будет нарушать. Но это не отменяет сам закон.

8. Какие уловки обычно используют образовательные учреждения в России, чтобы избежать настоящей инклюзии?

Инклюзия стала модным словом. Если у нас устраивают утренник для детей с аутизмом, ДЦП и синдромом Дауна, то называют его инклюзивным праздником. С какой радости он инклюзивный? Инклюзия – это когда проходит «Ёлка» в Кремле, и любой желающий ребенок с инвалидностью может туда попасть. Любой.

Инклюзия – это когда в своих планах школа не может не учитывать учеников с особенностями. Это должен быть вопрос выбора детей и родителей: захотят ли они участвовать в каком-нибудь театральном фестивале, параде или олимпиаде. Если ребенок с инвалидностью может и хочет участвовать в фестивале, он должен участвовать наравне со всеми.

Или говорят: у нас коррекционная школа, но у нас инклюзия, потому что мы обучаем и детей с задержкой речевого развития, и слабослышащих, и аутичных детей. На самом деле это сегрегация. Манипуляций такого рода очень много. Детей с инвалидностью группируют по какому-то признаку, и таким образом формируют их круг общения. Дети могут группироваться по возрасту, по целям обучения, по тем или иным темам урока и т.п. У всех детей есть общие потребности в образовательном и социальном маршруте.

9. Какой зарубежный опыт нужно перенимать в первую очередь?

Недавно я общалась с одним специалистом, чиновником. Находясь в командировке в Англии, он попросил показать ему два образовательных учреждения, которые считаются хорошими. Его привезли в школу, куда все стремятся попасть. Она действительно дает очень большое количество выпускников, поступающих в известные университеты.

На территории школы стоял шатер, продуваемый всеми ветрами. Это была дошкольная группа: человек 10 детей играли прямо на полу в шатре, и с ними были 7 воспитателей. По словам чиновника, он получил бы множество жалоб от родителей, если бы подобное было у нас: сквозняк, пол холодный, батареи нет, нет никакого антуража, никаких ярких игрушек. Но зато 7 воспитателей на 10 детей.

Система образования должна иметь выбор: либо вы вкладываете ресурсы в педагогов, но при этом дети на полу, либо вы вкладываете ресурсы в стены и батареи, закупаете яркие игрушки. У нас чаще бывает так, что организация сообщает: мы оборудовали ресурсный класс, ИКЕА привлекли, завезли этажерки и стол. А кто там будет работать? Об этом не позаботились. Компетентные педагоги, которые могут заинтересовать детей, – это самое дорогое. Но «заказчиков» на современные методики и хороших педагогов среди родителей мало. Причем родителей любых детей, к сожалению, именно среди родителей здоровых меньше всего такого запроса. Поэтому многие вещи, которые есть в Основном комментарии, для нас звучат утопично. Но, тем не менее, мы должны на него ориентироваться.